

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ ПРОЗЫ Е. ЗАМЯТИНА

В творчестве Е. Замятина определяется отношение писателя к новой социальной действительности первой трети XX века, исследуется место человека в динамике происходящих событий. Писатель синтезировал научное и художественное познание, включал в прозаический контекст элементы новейшей философии, естественной науки, разговорной составляющей русского языка, что во многом предопределило специфические черты замятинского идиостиля на уровне лексики и синтаксиса.

В прозе Е. Замятина происходит взаимопроникновение и взаимодействие разностилевых языковых единиц, причем, мельчайшие элементы повествования подчиняются общей концепции конкретного произведения. Богатство стилистического языкового диапазона (от разговорной лексики до научной терминологии и символики) можно считать одной из характерных черт творческой манеры писателя. Насыщенность неоднородными в стилистическом плане лексемами колеблется в зависимости от жанра, тематики, содержания произведения и от решаемых художественных задач. Так, критика технократического общества обусловила в структуре романа-антиутопии «Мы» большое количество терминов и научных символов. Историко-философский роман «Бич божий» наполнен философской и исторической лексикой. Повесть «Уездное», в которой говорится о жизни провинциалов, изобилует диалектными и просторечными элементами.

В творчестве Е. Замятина в соседних позициях оказываются слова, принадлежащие письменному литературному языку, лексемы, характерные для устной разговорной речи, а также нелитературные просторечия и диалектизмы. Как известно, в начале прошлого века происходил процесс демократизации русского языка, изменилась роль литературного языка в общественной жизни страны, «строго литературная речь поглощала полулитературную, ассимилировала ее, сама обогащаясь и внутренне преобразуясь» [1, с. 4]. Естественно, подобное слияние отразилось и на лексическом уровне произведений Е. Замятина, причем, в речи представителей различных слоев общества. Так, уважаемый человек, «красный» директор театра предостерегает: *смотри – не подгадь* («Лев»); «домовый председатель» советует: *заткните ему глотку этими самыми поленьями* («Пещера»); маляр Митрий сообщает: *никаких закононарушительных пороков мы за нею не знаем* («Землемер»).

Количество разговорных элементов, представленных в прозе Е. Замятина, связано, прежде всего, с тематикой произведений и способом изложения материала, ведь нередко повествование идет от первого лица. Разговорная лексика, которая встречается и в словах

рассказчика, и в словах персонажей, помогает отразить специфику жизни героев, сохранить особенности живой речи, создать эффект присутствия, непосредственной беседы, прочувствовать искренность интонации. Разговорная лексика является естественным элементом авторской речи и органично вводится в диалоги и монологи персонажей: *И около Дорды – рябой, животом на глине, добродушно щелкая затвором, ворчит: «Рази это война? На войне, бывало, кэ-эк хлобыстнет – голова костромская, кишки – новгородские – разбирай...»* [2, с. 394].

Просторечия, которые в первой трети XX века особенно заметно оказывали влияние на литературный язык, позволяют Е. Замятину решать определенные стилистические задачи, выразить отрицательную или положительную субъективную модальность, образуя «эмоционально-насыщенный контекст» [3, с. 80]. Это создается за счет введения обиходно-бытовых просторечий, которые входят в литературный язык, являются сниженными по сравнению с разговорными словами, имеют экспрессивно-стилистическую окраску (*к завтраму, пельсин, ходюча, умиллигентная*), а также за счет грубых, даже вульгарных лексем, находящихся за пределами литературного языка (*полоумный, стервь, ни бельмеса*).

Диалектизмы, включенные в прозу И. Замятина, представляют различные диалектные области русского языка: *лягуш* – ‘тверское, тамбовское – лягушка, болотное земноводное’ [4, с. 286]; *квелый* – ‘рязанское, тамбовское – хилый, слабый, нежный, болезненный’ [4, с. 104]; *ледакий* – ‘южное, западное – плохой, негодный, дрянной, хилый’ [4, с. 244]. Диалектизмы отражают местный колорит быта, используются для стилизации речевой характеристики персонажей, показа речи лиц, не вполне владеющих нормами русского литературного языка, обладают повышенной экспрессивностью и оценочностью, являются своеобразным инструментом познания мира и человека.

Большое количество разговорных, просторечных, диалектных элементов, представленных в произведениях разного жанра, тематики, содержания и времени создания, позволяет сделать вывод о том, что разговорность, диалогичность языка замятинской прозы можно считать полифункциональным художественным средством творческой системы писателя в целом. И.О. Шайтанов отмечал, что язык Е. Замятина «колоритен, по-разговорному, по-провинциальному волен; окрашенность же этой речи ... за счет речевого склада, какого еще недавно придерживались в русском быту, который сам по себе есть голос этого быта. В нем – и колорит, и картинность, и звуковая изобразительность. В слове еще дышит, живет предмет, человек» [5, с. 33-34].

Отдельные произведения писателя перенасыщены лексикой, относящейся к научному и официально-деловому стилям речи. Наличие терминов, научных символов,

канцеляризмов во многом детерминировано художественными задачами. В ряде случаев специальная лексика создает натуральный фон повествования. Так, роман «Мы» изобилует математическими и техническими терминами, так как действия связаны со строительством «Интеграла», которым предстоит «проинтегрировать бесконечное уравнение Вселенной», чтобы дать всем «математически безошибочное счастье». В данном произведении специальная лексика, попадая в специфическое словесное окружение, получает дополнительную функциональность, приобретает символический смысл: технический прогресс подавляет человеческие чувства, триумф «машинообразной» жизни выражается в вытеснении общеупотребительных слов.

Таким образом, функционирование терминов обуславливается прямым назначением, а также системой эстетической коммуникации (изобразительная и оценочная функции, функция создания различных стилистических эффектов (контраста, оксюморона, иронии) и символического, обобщенного значения). Различные структурно-семантические типы научных символов несут в романе «Мы» эмоционально-экспрессивную нагрузку, служат дополнительной характеристикой героев произведения, актуализируют их психоэмоциональное состояние, выступают элементами номинации персонажей, помогают выразить специфику мышления героев-номеров, показать абсурдность «машинной цивилизации».

Зачастую введение в структуру прозаических произведений Е. Замятина лексики официально-делового стиля является средством создания иронии. Интересен в этом отношении рассказ «Слово предоставляется товарищу Чурыгину». Повествование ведется от лица героя, который начинает свой доклад с обращения *уважаемые граждане*. Последнее слово имеет ударение на втором слоге, что уже характеризует степень владения нормами литературного языка. В речи персонажа представлено много канцеляризмов и созданных по их подобию элементов речи: *невзирая на момент под названием вечер воспоминаний; прошу... не мешать предыдущему оратору; прикончим весь этот обман народного зрения под видом войны; понимаю вполне целесообразно; разойтись до утра по домам для разных естественных надобностей подобно пище и снотворному отдыху*. Частотны случаи паронимазии – смешения значений формально сходных слов, что также указывает на уровень грамотности героя, путающего слова: *один читаемый человек; значительное убийство; в течение времени так происходит день или два; обмен сомнений*.

Товарищ Чурыгин хочет казаться интеллигентным, умным человеком, а не простым представителем народа, раз уж ему «предоставляется слово», поэтому он говорит описательно, «научнообразно»: *вынимает спиртной предмет из кармана; вечером в*

Егоровой избе, конечно, собрался народ в целом виде; в войне и господам – крышка и полный итог. Даже предлоги, употребляемые героем, имеют книжную окраску: *ввиду, что ты есть гордость и герой, приявший за отечество; я в составе других.* В указанном рассказе лексика официально-делового стиля художественно обусловлена, так как позволяет судить о персонаже, его привычках, образе жизни, уровне притязаний и особенностях мышления.

Характерной чертой идиостиля Е. Замятина, соответствующей одному из принципов модернистской литературы XX века – неомифологизму, является насыщенность прозаического контекста лексикой религиозного культа. Писатель любой жизненный факт оценивает через совокупность духовных представлений, основанных на вере в существование Бога. Бинарная оппозиция Бог/человек – одна из основных в философском плане его литературного творчества. Е. Замятин иронично высмеивает слепое поклонение кому-то или чему-то, заставляя читателя задуматься о необходимости действовать, а не ждать милости сверху. Таким образом реализуется замятинский принцип «человекобожия».

Лексическая полифункциональность прозаических произведений Е. Замятина отражает отдельные тенденции в развитии русского литературного языка, детерминирована философско-эстетическими взглядами писателя и является стилевой доминантой его творческой манеры. Различная в стилистическом плане лексика позволяет выразить авторское мировоззрение, решить конкретные художественные задачи, показать, что «вся жизнь во всей ее сложности и красе – навеки зачеканена в золоте слов» [2, с. 245].

Библиографический список

1. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе // Вопросы языкознания. 1962. №3. С. 3-14.
2. Замятин Е.И. Мы: романы, повести, рассказы, сказки. М.: Современник, 1989. 560 с.
3. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 2.
5. Шайтанов И.О. Евгений Замятин и русская литературная традиция: фрагменты из учебного пособия // Русская словесность. 1998. №1. С. 21-35.